

и государства, с другой стороны, — так ставили вопрос еретик Курицын и воинствующий церковник Волоцкий. Если бы Иосиф Волоцкий и хотел повторить подвиг Григория VII, то он не мог бы заставить Ивана III «пойти в Каноссу». Архиепископ Геннадий и Иосиф Волоцкий добивались прочного союза церкви и государства, недвусмысленно намекали Ивану III на «небрежение к вере», т. е. на попустительство еретикам, непростительное, пагубное, с их точки зрения, для всей страны. Еще в 1502 году Иван мог повелеть Иосифу замолчать,¹ но в 1504 году он уже был вынужден согласиться на сожжение еретиков. Тем не менее и в конце XV века и позднее русские митрополиты ставились по указанию государей. Торжественный и пышный церемониал поставления Симона в митрополиты в 1495 году должен был подчеркнуть зависимость митрополита от великого князя, т. е. церкви от государства. Идея «свободы церкви» излагалась в литературе на Руси не иначе, как в виде теории компромисса.² Иосиф Волоцкий вряд ли требовал большего, нежели союза «священства» и «царства», борьба за осуществления которого ожесточенно велась в течение всего XVI и в первой половине XVII века. Это была теория сильной воинствующей церкви, владевшей одной третью земли всей страны.

Компромисс между «священством» и «царством» имел место в Византии, а не в Западной Европе. Иоанн Дамаскин, на которого опирается Иосиф Волоцкий, — византийский богослов. Однако средством, с помощью которого Иосиф Волоцкий и его сторонники попытались осуществить такой союз и тем самым клерикализовать государство, явился «гишпанский огонек» 1504 года: кровь новгородских и московских еретиков в обмен на молитвы духовенства за царя.

Итак, взгляды Курицына и Иосифа Волоцкого сходятся в признании необходимости иметь сильную царскую власть. Если для Иосифа Волоцкого царская власть это средство для организации преследования еретиков, «попечения о вере» и укрепления могущества церкви, то для Ивана Волка Курицына «праведный суд» великого князя есть средство укрепления светской власти.

В XVI веке «нестяжатель» Вассиан Патрикеев и автор «Беседы Валаамских чудотворцев» требуют отдаления церкви от государства, настаивая на невмешательстве иноков в дело государственного управления.

Использование «Мерила праведного» дьяком Иваном Волком Курицыным в качестве введения к своду церковных законов является оригинальным и не имеет прецедентов в литературе. Иван Волк Курицын переписывает «Мерило праведное» в обстановке общего интереса в 70—90-х годах XV века к упорядочению судопроизводства.³

В конце XV века период феодальной раздробленности уже изжил себя и кодификация права самодержавного московского государства стояла на очереди дня. «Ввиду роста хозяйственной мощи и политического влияния городского населения, оно все настойчивее ратует за „правду“, которая мыслится как порядок и „законность“, исключаящие мздоимство, „неправедный суд“ и насилия феодалов. Это положение особенно отчетливо выражено в многочисленных статьях знаменитого сборника XIV в. „Мерило праведное“, в котором проклинается „всяк судьяй непра-

¹ Послание Иосифа Волоцкого к Митрофану, архимандриту Андронниковскому. Чтения ОИДР, 1847, № 3, стр. 2.

² В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 201—222.

³ Подробнее см.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. 2, гл. V.